

Ксения Викторовна Пьянкова

Символика и обрядовые функции неполноценной пищи в русской культурно-языковой традиции (на славянском фоне)*

В народной культуре пищевой код является одним из самых символически нагруженных предметных кодов. Различные виды пищи, ее свойства, действия по ее приготовлению получают семиотические функции не только в семейных, но также в календарных аграрных и скотоводческих обрядах. Если представить те виды, на которые традиционно делится пища, то, например, помимо кислой, соленой – сладкой, постной – скоромной, можно выделить и вкусную – невкусную пищу, а все предметы внешнего мира разделить на съедобные и несъедобные (ср. название одной из детских игр *съедобное – несъедобное*). Очевидно, что знаковым статусом должны наделяться не только «нормальные» блюда и продукты (хлеб, соль, пиво, каша и т.п.), но и пища, которая по своим вкусовым свойствам не соответствует кулинарным нормам (тем более, что, как известно, негативное предстает в языке и культуре ярче и разнообразнее, чем позитивное).

Какие блюда можно считать неполноценными? Во-первых, те, что обладают низкими вкусовыми качествами по сравнению с другими блюдами, т. е. постные, пресные, жидкие, ср. рус. литер. *балáнда* 'жидкая похлебка из плохих продуктов', рус. арх. *рататá* 'пустой суп' – «Ратата в войну: картошка, травка, а мяса нет» (КСГРС), рус. волог. *другодáн* 'пиво небольшой крепости, второго сорта' (СРГК 2: 5). Во-вторых, это блюда, которые изготовлены с нарушением технологии приготовления – сырые, недоваренные, подгоревшие блюда, пересоленная или слишком острая пища (рус. волог. *будетéня* 'о плохо приготовленной пище' – «Наварено, что будетеня, худой суп» (СРГК 1: 145), рус. новг., ленингр. *недосóль* 'о чем-н. недостаточно соленом' (СРГК 3: 405), мурман. *жгучий* 'вызывающий чувство жжения, горьковатый (о вине)' (СРГК 2: 43). Наконец, в некоторых игровых обрядовых ситуациях вместо

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке госконтракта 14.740.11.0229 на проведение НИР в рамках реализации ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

пищи подаются совершенно несъедобные вещи, например, лед, зола, навоз. Во всех перечисленных примерах на оценку пищи как некачественной, неполноценной указывают иронический контекст обряда, наличие семантического противопоставления качественного и некачественного блюда, а также рефлексия участников обряда.

Материалом для исследования послужила в первую очередь русская культурно-языковая традиция, менее регулярно привлекались украинские, белорусские, а также западнославянские данные. Анализируя акциональный код культуры и функционирующие в рамках обряда вербальные единицы, проследим, какие именно функции и в каких ситуациях приписываются неполноценной пище¹.

Вы проваживание, «разгон». В русской традиции был широко распространен обычай подавать в конце трапезы разгонное блюдо, которое намекало гостям, что обед завершается (см.: Пьянкова 2008; Морозов 2008). С этой целью хозяева иногда выносили именно неполноценную пищу: булочки без начинки (рус. волог. *розгоня* (Макашина 1999: 3)), пирог без начинки (рус. яросл. *погоняло* (ЯОС 8: 19)), ржаные пресные лепешки (рус. волог., сев.-двин. *выгонцы* (СРНГ 5: 268)), сырого гуся (рус. волог.: Лаврентьева 1990), краюшку сухого хлеба (рус. среднеурал.: ЭИС 2: 98), плохое пиво (рус. яросл.). Разгонная символика этих блюд обусловлена именно некачественностью, которая противопоставляла их полноценной пище, подаваемой в ходе трапезы (здесь уместно вспомнить ту «функцию», в которой в современной культуре используются тухлые яйца и помидоры).

Демонстрация социального неприятия, отказ. Если неполноценное блюдо выносилось не в конце трапезы, а в ее начале или в разгаре обеда, это могло интерпретироваться как неприятие и осуждение гостя. В Заонежье на Масленицу теща могла выразить неудовольствие зятем, приготовив для него вместо блинов или сладких вареных пирогов в масле постные ржаные блины (Лаврентьева 1990б: 47). И сейчас скудное угощение или тонко нарезанный хлеб могут быть восприняты гостем как знак недовольства со стороны хозяина: угощение желанного гостя должно быть обильным. У русских крестьян угощение жирным блюдом, обильно политым маслом, считалось проявлением любви и уважения – согласно каргопольскому анекдоту, теща, угощая зятя блинами, ставила сковородку так, чтобы масло стекало к любимому зятю (БДКА, д. Заляжье).

Семиотически «выпроваживанию» близка ситуация отказа. Одним из ярких примеров народной формы отказа является отказ при сватовстве. Если родители невесты не давали согласие на брак, то, во-первых, не принимали

---

¹ Довольно большую и самостоятельную тему представляет собой изучение наименований неполноценной пищи, их мотивационных связей и культурных коннотаций. Здесь могут быть рассмотрены семантико-мотивационные связи лексем, обозначающих постные, жидкие супы, жидкие, некачественные напитки, номинации острой, горькой, пересоленной пищи. Ср. семантические модели «бедность, голод» → «жидкий, постный суп» (рус. костром. *нужда́* 'кушанье из картофеля с луком, сваренных в соленой воде' (СРНГ 21: 312)), «жидкая, плохо приготовленная похлебка» → «жидкая грязь» (рус. волог. *бурдомáга* 'плохо приготовленная похлебка', 'мутная грязная вода, болотная жижа' (КСГРС), польск. диал. *bruja* 'густой суп или жидкая пища, которая должна быть густой', 'жидкая грязь' (Вақ: 99)) и т. д.

пищу, которую сваты принесли с собой, и не выставляли свое угощения, а вторых, могли «попотчевать» гостей чем-л. не очень вкусным и небогатым. Кашубы неудачливым сватам давали ржаную кашу без молока (кашуб. *čarnee krěpě* (Sychta II: 247)); поляки, белорусы и русские – черную похлебку (это могла быть кровавая похлебка или щи без жира и сметаны), ср. польск. *szara polewka (szary barszcz)*, *czernina* (Kolberg 28: 131), рус. диал. *налить черных щей* ‘отказать при сватовстве’, белор. *даць чорнай поліўкі* (Березович 2007: 354; см. там же и о других «пищевых» формах отказа при сватовстве). На Русском Севере сватам в случае отказа выливалась в сапоги опара или гуца, т. е. выносился «полуфабрикат» вместо готового хлеба или пива, которыми угощали в случае принятия предложения.

Средство ритуального осмеяния, осуждения. Если угощение полноценной пищей считалось знаком уважения, почета, то неполноценная использовалась как средство ритуального осмеяния. Например, особое «блюдо» готовилось гостям, не пришедшим вовремя. В Пермском крае их заставляли хлебать *мешанину* или пить *крошки* – смесь из хрена, горчицы, перца и «всякой ерунды» или замоченные в водке крошки хлеба со свадебного стола: «На другой день опоздавшим пить подают – крошки накрошат, чуть ли не плюнут, сопли насморкают. Дают им мешанку, пряники, малину в кружку, пиво, брагу, велят выпить до дна, чтобы зла не оставлять, это штрафная» (Карагайская сторона: 213).

На свадьбе кулинарный код использовался для подшучивания над невестой и ее трудовыми навыками: в Прикамье специально пересаливали пищу, утверждая, что невеста не умеет готовить: «Жених приехал, сам пересолил всё и сказал: “Ничё не умеет молодая делать. И мать не умеет делать, и она сама. Давайте воды”. Попробовал питьё, опять: “И даже вода-то у них соленая”»; «На свадьбу шафер привёз соль и всё пересолил, а всё равно всё съели, выхлебали» (В каждой деревне... 2007: 143). В Пермской области, когда молодые на Масленной неделе носили на угор печенье или пряники, «увидевшие их, кричали: “Ой, смотрите – молодушка вшивые пряники принесла, вшивые пряники принесла”. Невеста же должна была угощать ими гостей» (Усольские древности).

В ситуации осуждения – осмеяния пища выступает как эвфемистическая замена вербального кода. Через пищевой код оформляется сообщение о честности – нечестности невесты. При этом используются пищевые знаки, аналогичные тем, что употребляются при выпроваживании гостей или сватов. Подается невкусная, негодная к употреблению пища: родителям нечестной невесты или самой невесте дают кашу, посыпанную мякиной; выносят пирог с лучиной, тараканом (Лаврентьева 1990: 45–46); жених подносит теще воду вместо водки (Свадебные обряды в Ольгопольском уезде 1896: 519, 521), брагу или вино низкого качества (см. рус. диал. *ивáшка* – «Что касается до отца и матери провинившейся дочери, то подносят им не вино, а бражку, да и ту ивашку, при том в продырявленном снизу стакане» (СРНГ 12: 57)), сухой пирог (рус. арх. «Свёкру больше пекли пирог. И он с этим пирогом ходит, засушит его и на стол молодиче кинет <если нечестная>» (ЭК ТЭ)). В Архангельской области, если свекор был недоволен невестой, ставил ей отруби, смешанные

с сурепкой² (ЭК ТЭ); на Украине нечестную невесту угощали луковицей (Магрицька 2003); в Болгарии – холодной, соленой ракией с горьким перцем (СД 4: 63).

Употребление пересоленной или слишком острой пищи, будучи сопряженным с определенными физическими страданиями, может символически интерпретироваться как знак и скупления вины, присоединения к страданиям другого. Так, в родильном обряде коннотациями мук и страданий нагружается пересоленная или слишком острая пища. На обеде в честь рождения ребенка отцу преподносят смесь соли, хрена и перца с вином и брагой или просто сильно пересоленную кашу (рус. *крестильная каша (сбитень)* (Даль 2: 192), рус. нижегор., пенз. *пересол* (СРНГ 26: 225)), которую он должен съесть в знак присоединения к страданиям роженицы. Угощая кашей с солью, повивальная бабка приговаривала: «Солоно и горько рожать» (Даль IV: 268). Функции пересоленной, слишком острой и горькой пищи находят параллель в языковой семантике лексем с первичным значением 'соленый', 'острый', 'горький'. Слова этой тематической группы обладают коннотациями «тяжелый, трудный, неприятный», ср. рус. литер. *солоно прийтись* 'о выпавших на долю кого-л. тяжелых жизненных обстоятельствах, неприятностях, обидах и т. п.' (МАС 4: 192), рус. карел. *поглотать горького* 'испытать нужду, несчастье' (СРГК 4: 605); *Надоел ты мне как горькая редька* (Даль I: 383).

Неполноценная пища является символически нагруженной в ритуалах гаданий, элементы которых сохраняются и в современной практике. В Усольском районе Пермского края первое посещение молодоженами родителей невесты называлось *ходить на пельмени*. Теща угощала зятя пельменями, а один из них наполнял картофелем, чесноком или тестом: если попался горький пельмень (с чесноком), это предвещало несчастье, если с тестом – богатство (Усольские древности: 111). Символика горького пельменя напрямую продолжает языковую семантику *горького* «тяжелый, доставляющий горе, несчастья». У русских до сих пор популярен обычай лепить *счастливый пельмень* – в последний изготовленный пельмень закладывают какую-либо необычную начинку: перец, сало, монетку или даже пуговицу: считается, что человек, которому этот пельмень попадет, будет счастлив. В данном случае мотив несъедобности возникает как народное переосмысление мотива надления счастливым предметом³ (монета → что-л. несъедобное) и при этом становится ведущим в современной народной культуре.

Характерными для наименований неполноценной пищи являются эротические коннотации. Через ненормативную лексику может описываться жидкий, постный суп и его приготовление, ср. севернорус. *матюк* 'жидкий суп' (КСГРС), польск. диал. *pitolić 'coire'*, 'плохо готовить', *pituch* 'жидкое блюдо из картофеля' (Karłowicz 4: 113), рус. диал. *щи, хоть муде полощи* (Тенишев 2006/2/1: 146). Появление жидкого супа к обеду воспринимается как своего рода подмена: вместо сытных, наваристых щей человек получает «кукиш», ср. *Ритатуй, ритатуй, посередке х...!* (КСГРС).

² Полевое растение семейства крестоцветных.

³ См. Морозов 2008: 21–21 о мотиве найденного в ритуальном блюде «счастливого» предмета, который интерпретируется как мотив «доли» («судьбы»).

В свадебном обряде неполноценная пища также приобретала эротическую символику. В Пермском крае на свадьбу готовили *смешные пироги* – пироги с малосъедобной начинкой – целой морковью, яйцом, картофелинами (а иногда и лоскутом от шубы). Пищевой «намеком» вполне однозначно прочитывалась гостями: «После свадьбы-то всё хорошие пироги пекли, а тут тётка пришла и навставляла во пироги всякую ерунду, чтобы они смешные были, то морковь вставит, то яйцо воткнёт, пирог-то сам с ладонь, она их разломит, они с мясом, туда вставит всё, защитнёт. Ты пирог берёшь, начинаешь есть, а он разламывается» (Усольские древности: 106). В д. Ст. Пашня на свадьбу «...для шутки пирог делали, внутрь запекали морковку и две картошины. Его принесут, невеста корочку снимет, а там морковка. Вот смеху-то. Морковку заставляли еще съесть. В пирог запекали шубный лоскут, две картошки, морковки. Заставляют жениха разрезать корку, снимать, глядеть, что там есть. По корочке, по краешку все должны взять, съесть» (Карагайская сторона: 214).

В славянских свадебных обрядах некачественность с ритуальными целями могла приписываться хорошей пище. Для «подслащения» горьких блюд, т. е. заставляя молодых целоваться, русские кричат «Горько!», поляки, когда подается свекольный борщ или капуста, – «Gorzki barszcz, gorzki!» или «Gorzka kapusta!» (Dworakowski 1935: 80), кашубы – *gořkã kava* <горький кофе>. В Пермской области гости кричат молодоженам: «Ой, вино, вино, вино, не прокисло ли оно?»; «Пиво нецежено»; «Ой, хлам попал, пиво нецежёное, цедите пиво» (ЭССТ: 111); «Тараканы напали (в вино)» (Юрлинский край: 71). На Русском Севере молодым говорили, что «каша бессолая» и они, целуясь, *солили кашу* (КСГРС): «Невеста все стоит и кланяется, принесут кашу и говорят ей: «Соли»; добиваются, чтоб поцеловала» (СРНГ 39: 265).

Кроме перечисленных символических функций неполноценной пищи, по языковым, фольклорным и обрядовым данным прослеживается мотив подмены съедобного несъедобным. Так, на Русском Севере среди святочных развлечений распространена забава продавать соль по избам (вместо соли ряженные носили лед) (ДКСБ: 190), угощать девушек сахаром – вместо него также приносили лед или замерзший лошадиный навоз (Там же), торговать мукой или рыбой, рассыпая снег и разбрасывая мусор по комнате («Наберет в мешок снегу и придет на вечерку “мукой торговать”, среди комнаты высыплет мешков пять снегу и уйдет, а вслед за этой толпой прибежит другая “с рыбой”, т. е. со всякой дрянью в мешках и, подобно первой, оставит ее на полу» (Зобнин 1894)), мешать сметану, разбрызгивая сажу с водой (волог. «Сметаншики придут, замазаны сажей...»; «Сметану мешают да сажей брызгают, что не отмыть. Сметаншики» (ЭК ТЭ)).

В этих забавах зачастую буквально расшифровывается внутренняя форма языковой метафоры или эвфемизма. Например, устойчивой семантико-мотивационной моделью является метафорический перенос 'кормить чем-л.', 'печь что-л.' → 'бить, ударять', ср. рус. калуж. *пирог* 'удар, тумак' (СРНГ 27: 41), вят. *блинками кормить* 'награждать пинками' (СРНГ 3: 25), арх. *алабыш* 'блин', 'удар, оплеуха' (СРНГ 1: 229); *Š* готовить что-л. из несъедобных или не существующих компонентов *Š* → 'обманывать *Š*', ср. *варить кашу на*

мазуриках 'обманывать, обсчитывать' (НОС 1: 108). Среди русских святочных развлечений была распространена забава *печь блины* (Морозов, Слепцова: 521) или *шаньги*: переодевшиеся парни пугали девушек и били пойманных деревянной лопатой – «В избу вваливалась ватага ряженных во главе со "стариком", в руках которого была обмороженная деревянная лопата. После обычных приветствий старик спрашивал у старухи: "А не пора ли *шаньги печь*?" – "Пора, батюшко, пора!" После этих слов несколько человек из ватаги бросалось к визжащим и разбегающимся девушкам, подводили их по очереди к старухе со стороны спины и заставляли положить руки ей на плечи, после чего старуха наклонялась, и девушка, поддерживаемая кудесами, оказывалась лежащей у нее на спине. Старик махал лопатой, крича: "У-у-у! Вот сейчас *шаньгу спечём!*" <...> Попугав девушку, поддавал ей лопатой – "если нелюба, то сильно: таку *шаньгу съест*, что еле с бабки слезет". Так продолжалось, "пока всех девок не *перепекут*". В некоторых деревнях так наказывали девушек, опоздавших на беседу» (Там же: 605–606).

Мотив пищевого обмана – подмены встречается и в русских сказках (например, «Шиш и трактирщица»), повествующих о том, как солдат (Шиш) подменяет в печи жареного петуха (гуся) лаптем. Заметим, что и в фольклорных текстах, и в языке «пищевые» свойства чаще всего приписываются именно лаптю, видимо, как «самому несъедобному» из бытовых вещей. Помимо упомянутой сказки можно вспомнить ряд поговорок, утверждающих съедобность лаптя (*В меду да в масле лапоть съешь; В сахаре отопок сваришь, и то сладко* (Даль 2: 625); *С медом съешь и осметок* ('изношенный лапоть') (Калачев 2\2: 196) и до сих пор бытующие в русском языке наименования выпечки (ср. рус. разг. *тульские лапти* 'небольшие пирожки из незатейливого теста с любой начинкой', *лапти с черносливом* 'жареные кусочки теста из вареной картошки, масла и муки с черносливом внутри', *лапти* большие плоские жареные пироги). В Костромской губернии зять на свадьбу подавал новой теще лапти или сапоги со словами: «Вот тебе, теща, лапти, пеки про зятя лепешки да мажь масленее» (Тенишев 2004/1: 61), т. е. как бы обменивал лапти на будущие пироги.

Помимо лаптя другим псевдосъедобным компонентом блюда может быть топор или гвозди, ср. *варить топор* 'о полном отсутствии съестного' – «Ничиво нету – ну и вари топор» (БТДК: 67), *жареные гвозди* 'об отсутствии съестного' – «Ждут дети жаринава. А я гаварю: "На третья жарины гвозди"» (БТДК: 105), *жарить топор с долотом* 'о невозможности приготовить какую-то особую пищу' (БТДК: 151), *колун варить* 'варить пустой суп' – «Рыбака душа не морит: рыбы нет – колун варит» (НОС 2: 93). Этот же сюжет ложится в основу русской сказки о солдате, варившем кашу из топора.

Пищевые «аномалии» оказываются для традиционной культуры не менее значимыми, чем пищевые нормы. Очевидно, что ряд перечисленных видов неполноценной пищи и их функций достаточно неоднороден. Хотя мы старались рассматривать только те ситуации, для которых решающим мотивом появления того или иного знака явилась именно некачественность и несъедобность, многие функции неполноценной пищи предопределены ее специфическими свойствами: может так или иначе оцениваться жидкая

консистенция, непитательность, острота или нестандартность состава (например, функции пересоленной пищи во многом предопределяются собственно символикой соли).

Обращение к диалектным языковым данным и традиционным культурным практикам показывает, что символическую нагрузку такая пища получает, прежде всего, в семейной обрядности. Большую часть ситуаций, где проявляются символические функции неполноценной пищи, характеризует общий иронический контекст, а также семиотическая противопоставленность полноценной – неполноценной пищи: каравай хлеба выносят при встрече – сухую корку при проводах; богато угощают сватов при согласии – постную кашу выносят при отказе; если невеста нечестная – жених подносит теще не водку, а воду и т.п.

Неполноценная пища фигурирует в нескольких культурно-языковых сюжетах. Во-первых, ей угощают провинившихся с целью осмеяния, осуждения, а также преподносят с целью выпроваживания, демонстрации социального неприятия. Во-вторых, пересоленная или слишком острая пища употребляется как знак присоединения к телесным и духовным страданиям. В-третьих, неполноценность может ритуально приписываться пище как шуточный намек или эвфемизм, побуждающий к действию (часто эротического характера). Наконец, в игровых ситуациях, в фольклорных текстах встречается мотив подмены пищи не-пищей – предметом или действием (ср. накормить блинами – ударить).

Семиотически важной неполноценная пища становится в ситуациях особого рода – коммуникативно неприятных, неудобных с этической точки зрения. В них она выступает как своего рода эвфемизм – замена вербального знака, который не может быть произнесен, поскольку нарушает заповеди народной этики (ср. выпроваживание гостей, осмеяние опоздавших).

Бібліяграфія

- Вақ Р., 1960, *Słownictwo gwar okolic Kramaska na tle kultury ludowej*, Wrocław.
- Dworakowski S., 1935, *Zwyczajy rodzinne w powiecie wysoko-mazowieckim*, Warszawa.
- Karłowicz J., 1900–1911, *Słownik gwar polskich*, t. I–VI, Kraków.
- Kolberg O., 1961–2001, *Dzieła wszystkie*, t. I–LXXV, Wrocław–Poznań.
- Sychta B., 1967–1976, *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. 1–7, Wrocław.
- БДКА – Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ (лаборатория фольклора РГГУ, Москва).
- Березович Е.Л., 2007, *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества, 2003, Москва.
- В каждой деревне... – Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В., 2007 (рукопись), *В каждой деревне что-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век)*, Пермь.
- Даль В.И., 1955, *Толковый словарь живого великорусского языка*, 4 т., Москва.

- ДКСБ – Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б. и др., 1997, *Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиал. словарь*, Москва.
- Зобнин Ф., 1894, *Из года в год (описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа)*, «Живая старина», вып. 1, с. 37–64.
- Калачев 2/2 – *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым*, 1854, кн. 2 (половина 2), Москва.
- Карагайская сторона – Подюков И.А. (сост.), 2002 (рукопись), *Карагайская сторона*, Пермь.
- КСГРС – *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Лаврентьева Л.С., 1990, *Хлеб в русском свадебном обряде*, [в:] *Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в.*, вып. 2, Москва, с. 5–66.
- Магрицька І., 2003, *Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область)*, Луганськ.
- Макашина Т.С., 1999, *Застолья в вологодском свадебном обряде*, «Живая старина», № 3, с. 2–4.
- МАС – *Словарь русского языка*, 1981–1984, 4 т., Москва.
- Морозов И.А., Слепцова И. С., 2004, *Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.)*, Москва.
- Морозов И. А., 2008, *Обычаи, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы*, [в:] *Традиционное русское застолье: сборник статей*, Москва, с. 16–35.
- НОС – *Новгородский областной словарь*, 1992–1995, вып. 1–12, Новгород.
- Пьянкова К.В., 2008, *О каше-разгонихе и киселе-выгонщике*, «Живая старина», № 2, с. 23–25.
- Свадебные обряды в Ольгопольском уезде Подольской губернии*, 1896, «Живая старина», вып. 3–4.
- СД – *Славянские древности. Этнолингв. словарь*, т. 1–, М., 1995–.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, вып. 1–6, Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–, М.; Л., 1965–.
- Тенишев 2004/1 – *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии*, Санкт-Петербург.
- Тенишев 2006/2/1 – *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния, часть 1. Пошехонский уезд*, Санкт-Петербург.
- Усольские древности – Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А., 2004 (рукопись), *Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв.*, Усолье, Соликамск, Березники.
- ИС – Востриков О.В., 2000, *Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области*, вып. I–IV, Екатеринбург.
- ЭК ТЭ – *Картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского гос. университета* (кафедра русского языка и общего языкознания, Екатеринбург).

ЭССТ – Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А., 2004, *Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья*, Усолье, Соликамск, Березники, Пермь.

Юрлинский край – Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В., 2003, *Юрлинский край. Традиционная культура русских Юрлинского района в XIX–XX в. Материалы и исследования*, Пермь.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*, 1981–1991, вып. 1–10, Ярославль.

Symbolika i obrzędowe funkcje niepełnowartościowego pokarmu w rosyjskiej tradycji kulturowo-językowej (na tle słowiańskim)

Streszczenie

Pokarm, który nie odpowiada standardom smakowym i nie nadaje się do przyrządzania potraw, ma symboliczny status w słowiańskiej kulturze ludowej. W przypadkach odrzucenia, kpiny, osądzenia, podanie go służy jako eufemizm zastępujący słowo (np. gospodarze mogą podać ciasto bez nadzienia lub suchą skórkę chleba). Liche jedzenie i jego nazwy mogą mieć erotyczne konotacje, a konsumpcja zaś tego rodzaju jedzenia w powiązaniu z pewnymi fizycznymi cierpieniami może być symbolicznie interpretowana jako znak zadośćuczynienia za winy lub współczucia z czyimś cierpieniem. Są ślady rytualnego przypisania niejadalności potrawom (przy uroczystościach weselnych) i podstawiania niedobrego jedzenia w miejsce dobrego (w baśniach, obrzędowych zabawach).